

Юлия Загоруйко

Рассказы и очерки

Самая читаемая детская
литература

Юлия Загоруйко

**Рассказы и очерки. Самая
читаемая детская литература**

«Издательские решения»

Загоруйко Ю.

Рассказы и очерки. Самая читаемая детская литература /
Ю. Загоруйко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690910-6

Рассказы о детстве во время ВОВ, о дружбе, о семейных ценностях. О том, о чем нельзя забывать. Эти рассказы о человеческих отношениях, о доброте, вере, о любви к ближним. «Шекспир», «Доброго дня», «Следствие ведут Колобки», «Буб-Бурум», «Пока сердца стучат- помните», «Вот это детство!» и другие рассказы.

ISBN 978-5-00-690910-6

© Загоруйко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе	6
Поднимись над суетой...	7
Доброго дня	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рассказы и очерки Самая читаемая детская литература

Юлия Загоруйко

Иллюстратор Юлия Загоруйко

© Юлия Загоруйко, 2026

© Юлия Загоруйко, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-0910-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Поднимись над суетой...

Книга, которую вы держите в руках, написана молодым, талантливым автором – Юлией Загоруйко. По образованию она – художник, педагог. Родилась в Усть-Каменогорске, а сегодня живет в городе Кольчугино Владимирской области, работает во Дворце культуры заведующей художественно-оформительской мастерской и параллельно преподает детям художественное ремесло.

Художественное творчество в жизни Юлии Загоруйко тесно переплетено с творчеством литературным. Это и не удивительно: ее всегда отличало умение любоваться окружающим миром, подмечать детали, пропускать увиденное через сердце и потом трепетно передавать свои чувства на бумаге и холсте. И если художественные произведения Юлии Загоруйко неоднократно выставлялись на самых разных площадках, то «почеркушки», как она называет свои рассказы, долго пылились в столе, пока Юлия не решилась показать их главному редактору газеты «Кольчугинские вести». С этого и началось сотрудничество газеты с молодым автором. Теплые отклики читателей помогли Юлии поверить в свои силы, она приняла участие в престижных литературных конкурсах и получила настоящее признание: рассказы «Один день из жизни художника», «Истина», «Разговор с бабушкой» в 2020 году получили Гран-при международного конкурса MuzStart, а рассказы «Бум-бурум» и «Шекспир» с иллюстрациями в 2021 году получили Дипломы Лауреата I степени на международном конкурсе «Новогодний калейдоскоп талантов».

«Вокруг нас постоянно происходят разные события, но для многих это обычная суета, а для меня нечто большее, как и для моей бабушки – она удивительная рассказчица и умеет сохранить в памяти самые удивительные моменты. Я люблю слушать ее воспоминания, поэтому решила записать самые яркие и добавить свои. А потом пришла идея объединить лучшие

«почеркушки» в один сборник под общим названием, которое связывает их по смыслу и замыслу», – говорит Юлия.

Кстати, книга «Один день из жизни художника, или Непридуманные истории» – уже вторая в творческой копилке автора. В 2020 году в издательстве «Калейдоскоп» вышла сказка Юлии Загоруйко «Город Грёзвин».

Остается добавить, что в оформлении книги вместе с автором приняли участие юные воспитанники творческого объединения «Волшебный карандаш».

Приятного чтения!

Рассказы

Бум-бурум!

етство! Какое оно? Наверное, для каждого свое... И в памяти всплывает что-то особенное...

Я родилась далеко – в Казахстане, хоть в раннем детстве я переехала в Россию, самое яркое и светлое воспоминание – это родина.

Может, потому что такое жаркое солнышко грело слишком знойно, может, потому что я просто была маленькой и впечатлительной... Но люди там были какие-то особенные. Светлые, добрые, гостеприимные. Усть-Каменогорск – большой областной город. Частный дом, в котором проходило мое детство, находился на 2-й Заречной улице.

– А помнишь, – однажды спросила бабушка, – свой первый рисунок?

– Нет, конечно! Наверное, какая-нибудь каляка... – усмехнулась я.

– Может, и так.... Да только его получилось забелить раз на восьмой, – она засмеялась.

– Как так? Разве такое бывает?

– Еще как бывает. Ты тогда была малышкой, годик с небольшим. Посадила я тебя в летней кухне в высокий стульчик, дала тарелочку с вареной теплой свеклой, а сама вышла в другую комнату. Пока ты кушаешь, решила успеть... Слышу, тихо. Значит, есть еще минутка.

Но эта тишина в какой-то момент начала казаться слишком подозрительной. Решила посмотреть. А там!.. Во всю стену, как доставала твоя рука, ты нарисовала что-то

непонятное, но очень яркое. Что ты наделала, спросили у тебя, а ты с испуганными глазами бормочешь на своем: «Ты же сказала мо...» Это можно значит на твоём языке было... Вот и как тут ругаться, если сама разрешила.

Дома на родине чаще кирпичные. Стены беленые. На окнах – ставеньки. Печка, которая топится каменным углем, в общем, скромный быт. Мебель частично сделана руками дедушки. И все так уютно было, что в памяти так и осталось, как тогда было.

– Я работала швеей на дому, – продолжала бабушка, – и работу привозили и забирали в указанный срок... Чтобы успеть выполнить норму, шила каждую свободную минутку. Вот говорю раз деду, иди уложи внуку спать. Он и пошел. Взял тебя, рассказывал сказки, читал книжки. Но вдруг открывается дверь, идешь ты и говоришь: «Тише, бабушка, не стучи машинкой, а то дедушку разбудишь». Эх, попросила же... А он сам и уснул... Пошла тогда тебя сама укладывать.

Тут бабушка задумалась...

– Когда дедушка молодым был, любил он наряжаться на праздниках! Я ему даже наряды шила! И парик у него был! Однажды пригласили нас на свадьбу... А он просит: пошей мне платье цыганское и платок найди, да так сделай, чтобы никто не узнал.

– А ты?

– Да что я? Взяла да сшила! Да еще какой костюм-то получился. Любая цыганка была бы счастлива такой носить. А он надел, покрасился, вышел в улицу. Сел на дороге, где должен же-

них проезжать, юбку расстелил. Машины не могут проехать, а он карты раскладывает, будто гадать собрался. Не проедете, пока

я вам не погадаю, будет вам счастье али нет. Любит красавица, а может, не любит?! А тут еще гармонист как заиграет цыганочку, а он как пустится в пляс меж-

ду женихом и друзьями. Плечами потряхивает, ногами выпивает, в бубен бьет! Вот как гуляли! Сейчас так не умеют... А помнишь, как ты с сестренкой концерты нам устраивала?

– Помню. Что-то репетировали, пели. И костюмы делали себе из твоих халатов!

– А как белых лебедей танцевали? Пом- нишь!?

– Помню, только вам, наверное, номер наш не понравился. Почему-то слезы у вас текли.

– Ох, ох! Какие слезы!.. Если бы ты ви- дела этот номер! Я тогда пошила деду новые кра- сивые труселя. И ситец яркий, цветной. Каких только узоров там не было. А вам для номера надо было бальные пачки! Вот вы и придумали, затянули резинку потуже, на- дели их. Полу- чились пышные юбоч-

ки. Петруська напевает музыку: па-па-па, па-па-ра-па-па. А вы опустили глазки, скрестили ручки и на кончиках пальцев выплываете на середину зала. Мы как увидели таких лебедушек в «пачках», так и были сражены смехом. Никто сдержаться не смог, – бабушка вновь рассмеялась и я вместе с ней, буд- то теперь и я увидела этот балетный но-

мер...

– А нам тогда было особенно обидно... – вдруг вспомнила я. – Мы этот номер очень долго гото- вили, – а сама снова рассмеялась, и добавила: – Наверное, я бы тоже не сдержалась на вашем месте.

И мы звонко смеемся вместе, вспоминая подробности.

– А помнишь, у вас собачка была... Кукла!? Мне сестренка всю дорогу от аэропорта рассказывала о ней... А когда я ее увиде- ла, еще подумала, точно Кукла, такая она хорошенькая была!

– А знаешь, как она у нас появилась? Ездили тогда мы в степь за клубникой. Да от аула к аулу дорога вела. Ни дерева, ни кустика. Жара, а по дороге две собачки бегут. Одна маленькая, на вид взрослая, а вторая молодая, наверное, сынок, поду- мали мы тогда. Что их заставило уйти от человека, один бог ведает. Да только видно, сил у них совсем не осталось, бегут они, жаждой томимые. Остановились и мы водички попить. Ключ горный бьет. Водичка холодная. Любили мы там отдох- нуть. Брали всегда лепешку, купленную в казахской деревне, и кружку в дорогу. Наберем водицы, глотнем ее, а она словно сладкая. Вот он какой ключик, шумит, о камни бьется. Прият- но отдохнуть путнику у его прохлады. Собаки остановились. Ближе не подходят, но от кусочка лепешки не отказались.

Двинулись мы в путь и собачки тоже. Дедушка прибавил газу, а они изо всех сил побежали. Заметила я, говорю, не спе- ши.... Смотри, как бегут. Гриша сбавил ход, и собаки, словно силы берегут, бегут медленнее, но стараются не отставать. Ки- лометр бегут, другой. Говорю, давай возьмем, пропадут ведь

в степи. Остановились, Открыл он дверцу заднюю в машине, скомандовал: прыгайте! Они запрыгнули. Только по всему видно было, сильно человек их обидел. Долго в руки не шли. И уходить не спешили. Прикармливали на улице, потом во дво- ре, а уже потом Кукла в доме стала жить. А вот сыночка Бимом назвали. Умный был пес!

– Я его помню, кажется! Это он под детскую дудочку песни пел?

– Да отдали мы его тогда соседям. Сыночек у них малень- кий был. Коля его дрессировал. И как начнет играть на дудоч- ке, так вся улица приходила посмотреть, как пес пел. Как по- лучилось научить такому трюку, неизвестно....

Бабушка задумалась.

– Знаешь, – вдруг сказала она, – а ведь Бим спас тогда эту семью от пожара, а сам погиб... Собрались они тогда переезжать... Пришла соседка и говорит: тетя Нина, Бим заболел, не ест. Лежит под столом в саду и ни в дом не ходит, ни гулять. Посмотрите, что с ним. Пошла я. Смотрю, точно лежит. А в глазах слезы. Спрашиваю ее: а вы о чем при нем говорили? Соседка задумалась.

– Говорили, что уезжать собираемся, а его оставим... Ах!

Неужели он понял?..

– Так и есть, все понял. Переживал очень. Пришлось им документы в последний момент на него выправлять. И паспорт, и билет, и нужные прививки, и разрешение. Все как положено. Помню, Света потом позвонила и сказала, что потеряли его в аэропорту, вышли с сыном, а он возьми и вырвись. Народу человек 100 встречающих, а я только смотрю, глазам не веря, Бим нашел мужа и идет рядом с ним... Дом в другом городе старый купили. Сложно начинать на новом месте. Ночью случилось замыкание. Начался пожар. Дым. А мы спали, рассказывает Света, только Бим начал суетиться, лаять, тянуть одеяло. Разбудил. Выбежали мы на улицу, стали забегать в дом, выносить вещи, а вот как сынишку вынесли, Бим не видел.

Метался в панике туда-сюда, то в дом, то из дома. Переживал, искал Николая. Балка горящая упала... не смогли спасти.

– Да! Вот что значит благодарная собака....

Мы с бабушкой помолчали. А мне вспомнилось, как мама когда-то пекла торт «Муравейник». И так сладко стало вспоминать детство!

– Помнишь, как мы собирались все за столом?! Весело было!

– Да! Помню! Твоя мама пекла тогда очень вкусные торты! И праздник был даже без повода, – читая мои мысли, начала бабушка. – Ты набивала полный рот вкусным тортом. И мама тебе говорила: ты запивай! А ты в свою очередь прожевала откусанный кусочек, да как запела: «В лесу родилась елочка! В

лесу она росла! Зимой и летом стро-о-ойная

зеле-е-еная была!»

Мы опять рассмея- лись.

– А следующий раз ты спрашивала: мама, а ты можешь мне из тортика «Му- равейник» наковы- рять одних муравьев,

пожалуйста! Ха! Ха! А мура- вьями ты называла кондитерский мак, который сыпали для украшения... – грустная нотка разговора уже забыта, и мы снова смеемся над детскими проказами.

– Ты тогда страшная сладкоежка была, – продолжает ба- бушка, – сколько ни ругала деда, а он все равно тебя баловал, как пронесет мимо самодельного буфета, ты уже знаешь, заце- пишься за него и показываешь, что надо соску макнуть.... Так он то в мед, то в варенье, то в сгущенку! А ты ее с прокрутом сосешь.

– А это как? – удивляюсь я.

– Да, повернешь ее во рту, так, наверное, слаще станови- лось, да еще скрипнет соска о зубики, от резкого поворота. И все баловство повторялось снова, стоило только деду пройти мимо. А однажды у тебя поднялась температура 40... Что де- лать? Пришла твоя мама с работы, а я переживаю. Где недо- смотрела? Вроде ни насморка, ни кашля, а температура есть. Говорю: Иринка, у нас все хорошо было... только пока я шила, она банку сгущенки съела. Понесла мама тебя в больницу к знакомым врачам в ординаторскую. Крутили они тебя, смо- трели. Ничего не нашли. Спрашивают: а что она у вас ела? Что? Сгущенку!? Целую банку!? Ничего себе! Неси дочку до- мой! Завтра все само пройдет!

– И как, прошло? – стало интересно мне.

– Конечно! Назавтра ты цеплялась снова за буфет и просила макнуть соску снова! А помнишь, как от соски тебя отучали?

– Это я точно не помню! – усмехнулась я.

– У нас пункт проката был! Там можно было взять на временное пользование коляску, манеж, или что-то еще! У

того пункта проката лежала на подушечке собачка и сосала соску. Все прохожие останавливались посмотреть на такое диво, а детишки иногда дарили собачке свои соски. Вот так... делилась и ты, пока все соски не передарила....

А как вы понимали с сестренкой друг друга?! Мы до сих пор гадаем! Садитесь за стол. Завтрак. У каждой тарелка с кашей. Она съест свою порцию, а ты... ложкой помешиваешь только... Она тебе: бум? бурум?

Ты головой отрицательно мотнешь, та тарелки поменяет и вторую порцию съела. Она довольна, сыта, а ты довольна – каши больше нет, есть ее не надо...

– Я помню грозу, – вдруг сказала я. – Помнишь, я не могла понять, почему вы ставни закрываете на ночь. Думала, и так

темно, так еще и ставни закрыты. А один раз ночью гроза! Да гром, да так бабахнул, что стекла задрожали....

– Конечно, город в устье каменных гор! Эхом отражается звук!

– Очень страшно было! Мне казалось, что стекла повыелят! А вы спали! Мне было непривычно. Да осветило комнату так, книгу читать можно было! Светло как днем!

А еще помню, когда постарше была, проснулась ночью, слышу, кто-то храпит в соседней комнате. Помню, никого там нет. Дедушка с бабушкой в комнате, сестренка в пионерском лагере, а я одна в зале. Переборола страх. Пошла посмотреть, кто же там. Ступая неслышно, прохожу в кухне мимо старого буфета, иду на звук... заглянула в комнату – никого.... Стало очень страшно. Замерла. Прислушалась. Храп доносился не из комнаты, но был совсем рядом. Пошла в прихожую, отодвинула шторку, которой была закрыта одежда, а там в самом низу, на полу спала старая Кукла. Я ей шепнула: Кукла, проснись, ты храпишь! А она не слышит. Я ее потрясла за бочок ласково и погромче попыталась ее разбудить. Но пушистая подруга спала и просыпаться не желала... Ну и охрана, подумалось мне тогда! А если бы воры... Как ты думаешь, она бы услышала?

– Это конечно! Такое она бы не пропустила! Очень преданная собачка была! Слепая она была в старости и глухая, но по ней я всегда знала, куда дед пошел! Выйду на улицу, если потеряю его, и смотрю: если Кукла сидит у какого-то дома, значит, Гриша пошёл к ним! И будет сидеть и ждать, никуда не уйдет! Сколько ее ни зови!

– Да это я тоже помню! А еще как-то раз мы ездили с мамой на рынок. Там у павильона стояла палатка. В ней продавали сладкую вату. Теперь мне это кажется каким-то нереальным, хотя тогда это было вполне обычным делом. Вату продавали на вес! Мы покупали килограмм сладкой ваты и нам ее накручивали тугим комом и упаковывали в огромный пакет. У нас в России я такого никогда не видела... Мы с мамой сели на лавочку в парке, и я не могла насладиться этим тающим вкусом.

В тени +40, вата, конечно, слегка таяла в пакете и в руках, кружили осы, я не замечала ничего вокруг, хотелось только пить и снова отщипнуть волшебной сладости. Когда мы наелись, в пакете сладкая вата заметно уменьшилась. Мы решили купить на всех! Встали снова в очередь. Пока стояли, на запах слетало все больше и больше ос! И... о, ужас! Одна умудрилась ужалить меня в ногу, за которую я успела дотронуться сладкими руками. Помню, как я рыдала. Мама пыталась найти аптеку и оказать мне первую помощь. Но вату для всей семьи мы тогда все-таки купили. Хотя я теперь не помню как... Очередь была большая! Наверное, все разбежались, пока я плакала, или испугались и нас пропустили....

– Когда я приезжала на каникулы в ваш дом, где проходило мое детство, мне казалось, что весь областной город помещался в родном дворе, по которому ходили куры, индоутки и гуси, мне не важны были достопримечательности, карусели или магазины, мне важно было чувствовать аромат цветов, спелых яблок, выбирать самую спелую виноградинку на грозди или рассматривать, как муравьи пасут тлю, бегая то вверх, то вниз по длинной лозе. Вишневый сад с палисадником, сладкий вкус ягод на губах, таранька, висевшая в чулане на длинных проволочных бусах. Долгие летние вечера на лавочке, когда собирались соседи со всей улицы отдохнуть после жаркого дня, пообщаться и рассказать о событиях, которые произошли за минувший год, пока мы не виделись. Или банный день, запах сосновых досок, баки с водой, березовые поленья в печке...

– Кто следующий в баньку?! Идите, а мы пока чайку... да с пирожками! Тетя Дуся! У нас душистый чаек с матрешкой, душицей, веточками клубники, только вчера набрали!..

И разговор тянулся часами... Не хотелось расходиться, в бабушкином доме всегда было много гостей, интересных людей.

А утром мы начинали копаться в разноцветных лоскутках, пытаясь шить на кукол или какие-то безделушки для себя.

Детство у каждого свое и воспоминания, но время, которое я провела в Казахстане, самое яркое и теплое. Может, от яркого жаркого солнца, а может, от того, что я просто была маленькой и впечатлительной девочкой!

Ничего себе детство

вгуст месяц. Завтра последний день лета. Весь воскрес- ный день льет дождь. Я взяла такси и уехала к маме и бабушке. Дома тепло и уютно. Бабушка занята творчеством, а мама печет пирожки... Как в детстве! Запах сдобы растворя- ется в квартирных стенах. И навевает воспоминания! Миска с

ежевикой в руках, сладость ягод...

– Мы когда-то, давно в детстве, ходили за малиной... – вдруг начала рассказ бабушка. – В Казахстане, в поселке Путинце- во – это недалеко от Зыряновска. Река очень быстрая. Гор- ная. Вроде и не широкая, и не глубокая, а если с ног собьет, то точно утянет за собой. Дно каменистое. Опасно. А вот малинка росла на том берегу. Почва на нашем берегу не плодород- ная. Даже сказать, и почвы-то не было, скалы. Кое-где только травинка редкая или крыжовник. Как он рос, один бог ведает. Трещинка среди скал, а он пробился. Сядешь на камушек, рвешь и ешь. А чтобы на тот берег попасть за малинкой, собирались человек

по пять или восемь. По одному не ходили. Боялись. За спиной корзинка в мешке. Привязывали мешок к спине. Рюкзаков тогда не было. Возьмемся между собой за руки, да так что первый и последний – те посильнее, в серединку слабеньких ставили. Шаг за шагом ступаешь осторожно, вода бурлит под ногами. Горная река. Вроде чуть выше колена, а дна не видно. Ступаешь вслепую. Смотря, какой камень попадется – то ничего, а то вдруг скользкий. Если сорвешься и упадешь, тебя удержат. Взрослые с нами не ходили, им не до ягод было, работали.

Бабушка склеивала из модульного оригами вазочку, а сама вспоминала... Рассказчица еще та! Я уже представила эту речку, скалы, каменистый берег. И будто сама держусь с ребятами за руки и иду по ягоду. Ох, и водица! Шумит, отражается эхом от скал в ущелье, солнце высоко. Жарко. А река ледяная. Брр-рр... Побежала. Взяла ручку и листок.

– А берег там крутой, бабушка? А змеи есть? Ужас! И как вы одни там? Не страшно? – спрашиваю, а сама рисую. – И что даже ни грибов и ни земляники? Даже деревьев нет?

Одни вопросы. Да, не каждый ходил по ягоды так... Уже представила, как моя нога поскользнулась, я сорвалась в воду.

Меня держат соседские ребята...

– А ты плавать умеешь? – вдруг спросила я.

– Не-е-ет.

– А как же ты тогда не боялась? – Ощувив всю опасность, спросила я. – Там же утянет и не догонишь!

– А вот так. Держали крепко друг друга! А ты что там? Рисуй? Покази!

Я повернула свою почеркушку... А на листе... река, горы.

И ребята вдалеке переходят речку Хамур...

– Смотри, а вон там... кажется, я?! – Узнает себя в далеком образе бабушка... – Ну и хулиганка же ты. Я тебе говорю, а ты уже меня нарисовала.

А сама вдруг опять, что-то вспомнила...

– Горы у нас опасные были. Мальчишки забирались на самую крутую и бросали камень. Пока он летит вниз, ударяется

то об один, то о другой, раскалывается на части и дальше катится. Пока не достигнет своего пристанища у подножия горы. Мы старались там не ходить. А тут пошли за подснежниками. Видели, как группа ребят поднималась в горы. А потом следователь вопросы задавал: что видели, кого знаете? Оказывается, охотники возвращались домой, а тут камни, да вниз с горы летят. Мальчишкам весело, а человеку жизни стоило.... Больше там мы не ходили совсем. После того раза особенно страшно делалось.

– А ты помнишь, как на фронт отца провожали?

– Конечно! Я тогда почему-то все к печке спиной прислонялась. А тетка мне сказала, не вставай, беду накличешь... Почему она так говорила, не знаю. Вроде как примета была. Собирали узелок. Плакали очень. Только отец старался успокоить. Вроде как не переживайте, я только до Усть-Каменогорска, а там домой воротят. Ноги-то больные... Кому такой вояка нужен? Только... не вернули... – Невольно помолчали. Тяжело вспоминать то военное время. – А потом похоронка... Спрятались в картошке с Тamarой. Боимся мамке сказать, а сами ревом... К дому народ собирается отовсюду. Уже все знают. Мама с поля прибежала: «Нинка, Тамара, вы где?» Стала искать нас. Только тогда мы вышли. – Опять тишина...

Только я продолжаю черкать на своем листочке, а бабушка, помолчав, добавила:

– Знаешь, а ведь я помню отца! Еще до войны было. Маминенька тогда я была. Садил меня отец на тележку, да за деревом... Строили тогда землянки. Почему землянки, так из земли потому что. Ванин отец, с теткой Анисией, которая спасла нас от пожара, срезали дерн ровными пластами. А отец возил. Вот и я не отставала! Добрый он был очень человек! Тогда так подбирали место для поселка, что и огород можно было посадить. Там не было каменистой местности. В ложбинке строили. У нас тоже такая изба была. Значит, сама из дерна. Потом глину с навозом и сеном мешали. Затирали стены снаружи да изнутри. Вставляли окна. Да и жили себе! Тепло было. Только

полы земляные натирали, ту же смесь делали. Когда пол высушили, коркой делался. Назывался мазанкой. Стены белили, а в комнатах пижму по углам раскладывали, чтобы блох не было. Еще про нас тогда говорили: «Гришанковы богатые! У них в комнате пол деревянный и патефон!»

Вот так детство! Не то, что сейчас! Когда слушаешь бабушкины рассказы, словно книгу читаешь. Только думаешь: «Разве такое бывает!?»

А бабушка вдруг снова вспомнила:

– Ты знаешь, а у нас ведь тоже ледянки были!

– Да ладно?! – удивилась я.

– Да! – хитро улыбнулась бабушка. – Мы их сами делали!

– Как это?

Бабушка продолжала, а сама поглядывала на меня смеющимися глазами.

– Зимы у нас там были лютые! Повесишь белье, так оно колом как возьмется. Может неделю висеть так и не высохнет. Снимаешь осторожно, чтобы не сломать. А мы только рады морозу! Гора подходящая была! И строить не надо... Крута-а-а-я! Пока туда ледянку тянешь, из сил выбьешься. Так мы ее то вдвоем, то втроем туда тащили!

– Так что за ледянка-то такая? – делалось интересно мне.

– Так все просто! Брали свежий коровий навоз, сено! Лепили нужную форму, заливали водой! Час – и застыло! Потом с другой стороны поливали, ждали. Так несколько раз, чтобы слой намерз. Повесишь ее за веревочку, она сохнет, болтается... Один недостаток – тяжела очень! Зато как поднимем туда-а-а! На эту огромную гору! Километр катишься... А скорость с крутой горы! Ух! Дух замирает и в ушах ветер свистит!

– Какое у тебя детство было, – восхищаюсь я, – не то, что сейчас! Я бы точно не догадалась, что так можно ледянку сделать!

А бабушка дальше продолжала:

– Не всегда мы имели возможность играть. Не помню точно, то ли до войны мама вагонетку толкала в открытой шахте,

чтобы металл добывать, или после... Только она еще работала на кирпичном заводе. Кирпич делала. Формы такие были... Набирали в форму глину, утрамбовывали. И вытряхивали потом. Получался глиняный кирпич. Его сушили, обжигали и использовали. Так мы с Тamarой ходили помогать выбивать его из форм! Трудно было...

– Да, есть что вспомнить, – вдруг подумалось мне. – Ничего себе детство!

– А я еще верхом ездить умела! У нас сначала лошадка была. Мучились с ней! Не хотела слушаться. Потом другую взяли. Так я на ней работала! Сено зарабатывала для коровушки. Поеду в поле. А там сено накосят, высушат, сгребут. Прицепят к лошадке копну, я ее тяну туда, где сено зимовать будет. Стога метали. Я тогда совсем девчонкой была, но сено для коровушки зарабатывала!

А еще у нас медвежонок жил! Приходили смотреть его со всей округи! Охотники нашли двух медвежат в лесу. Мать кто-то застрелил, а малыши остались. Одного охотник к себе взял, а другого нам оставил. Сделали мы ему вольер, заборчик вокруг, ванну с водой поставили. «Аю! Аю!» – всегда кричали

казашата, когда проходили мимо (медведь, значит, по-нашему). Забава всем детям! Всегда толпились зеваки. Играли, гладили, смотрели, как он купается, кормили! Всем потеха была! А если конфетку ему дашь, так он с фантиком ку-

шать не станет! Возьмет обеими лапками, аккуратно развернет. Конфетку съест, а бумажку бро-

сит! Долго он у нас жил. Пока подрастать не на-

чал. Как говорили потом старики, природа берет свое! Стал он звереть... Бояться стали своего любимца. Взрослые говорили, что дикий зверь – детям не игрушка. Опасно. Да мы и сами по- баиваться его стали. А самым жалко. Отвезли его тогда то ли в цирк, то ли в зоопарк. Теперь, конечно, я не вспомню. Но как он у нас в ванной в жаркую погоду купался, как сейчас помню. Очень он уж воду любил!

С Чердыяка мы тогда в Путинцево переезжали. Только зна- ешь... у нас там один казах жил... на бобах гадал.

– Как так на бобах? – опять удивилась я.

– Да так! Гадал как-то! Так вот, что я тебе скажу, у меня ведь сбылось то гадание... Старый казах сказал: «Хоть уезжаешь, а вернешься обратно, в Чердыяк!» Я не поверила. Да только про- шло время, дедушка твой приехал свататься ко мне. Красавец он был тогда... Молодой, кудрявый, работающий. Приехал и го- ворит: «Соглашайся, а то меня вся деревня засмеет. Говорить будут, что поехал за невестой, а она не согласилась».

– А ты?

– Я согласилась тогда... И вернулась, получается, обрат- но...

Время бежало незаметно. Я продолжала рисовать, слушая бабушкины рассказы о том, как было тогда.... И до чего было интересно! Словно дверь в другое время, словно рассказы Джека Лондона, которые мы любим слушать и пересушивать с сыновьями. А тут даже еще ин- тереснее... Рассказы не из кни- ги, которые придуманные, подслушанные, увиденные, а самые настоящие! Не просто от кого-то, а от родной бабушки!

Воскресный день близился к закату. На столе молочный чай по казахскому рецепту и горячие пирожки. Дождливый день сменялся ясным закатом. На бумаге постепенно ложился рас- сказ по бабушкиным воспоминаниям. Те маленькие истории, которые я любила слушать и переслушивать, теперь записала, чтобы когда-нибудь вновь прочитать... или пересказать своим правнукам.

Люди! Пока сердца стучатся – помните!

(Памяти военных лет посвящается)

ного песен сложено о войне, мно- го фильмов снято... Но каждый

раз в День Победы у Вечного огня со слезами на глазах вспоминаю своих дедов и прадедов, геройски сражавших-

ся за мир, в котором мы живем... Спасибо всем участникам Великой Отечественной войны и низкий поклон.

С самого детства люблю слушать бабушкины рассказы о тех тяжелых годах. Отца ее забрали

на фронт, мать осталась с тремя дочками выживать на руднике в Чердожке в Казахстане. Там работали женщины, толкали тяжелые груженые камнем вагонетки. Добывали металл. И тут же был перерабатывающий цех... Сюда же ссылали эвакуированных со всего Советского Союза немцев.

Они голодали. Где-то гремели бои, а здесь, в далеких краях Казахстана, выживали вместе, и бабушка, тогда ей было лет 10, приносила беженцам маленькую баночку молочка.

– Иди, Нинка, отнеси молочка хоть по глоточку. У них детки, – говорила ей мама. А она встанет в проходе избы, прижмет к себе баночку и боится слово молвить, пока кто-нибудь не спросит:

– Девочка, это ты нам принесла?

– Да, – тихо отвечала она. И все по очереди делали маленький глоточек, чтобы хва-

тило каждому.

У матери было трое детей, старшая дочь тринадцати лет, Тамара, ходила в школу, младшей было года два всего, ее оставляли дома одну.

Но однажды Акулова тетка Анисия заметила, что в доме дым... Землянки были невысокие, окна

низенько, вот увидела соседка, как горит табуретка. Выставила окно и спасла младшую сестричку. С тех пор стали привязывать Любушку за ножку, чтобы ничего не натворила.

– Я с мамой, – вспоминает бабушка, – ездила на сенокос запасать коровушке сена. Телега старая, а сена целая гора получилась, воткнула мама вилы в стог сверху. Залезла на него я, и повезла нас коровушка дорогой тяжелой, непроходимой. То камни, то ямка, и перед самым мосточком встревожилась Зорька, потянула, а тут что-то под колесо попало – и! – перевернуло телегу. Мама, которая шла рядом, испугалась, заплакала, бросилась меня спасать и причитает...

– Жива? Нинка, а? Отзовись! – рыдает, а сама сено разгребают. А вилы, что были воткнуты в стог, не дали придавить. Спасли, получается!

Темнело. Наступала ночь. Страшно. Было слышно, как завывали волки. Тогда голод был не только у людей, но и у дикого зверя, спрятались мы в охотничьей сторожке. Стенки тонкие. Казалось, сильнее толкни – и развалится. А волки,

они вот совсем рядом. Дыхание слышно. Да много! Смотрим в окошко, а стадо коров стало кругом рогами наружу, к земле пониже голову наклонили. Орут и кружат по кругу, а сами близко-близко прижались друг к другу, чтобы волки не напали. Хищники боялись подойти. Рога острые. Да если корова еще и копытом даст, серому мало не покажется. Всю ночь до рассвета не сомкнули глаз. Все ждали, когда волки отступят. Этой ночью охота не удалась. Но бывало, пастухи то теленка недосчитаются, то корова идет и хромает, глянешь, а кусок мяса выкушен. Долго потом болеет коровушка. Но люди научились залечивать раны обычной травкой – репейником.

Из-за войны год пришлось пропустить в школе, кормильца забрали. Помогать приходилось. Вот весной пошла в стадо за коровкой, а она, дуреха, к реке подалась. Что ей там было нужно, один Бог ведает. А река «пошла». Льдины большие. Река горная, быстрая, моя Зорька возьми и ступи на льдину... Как домой теперь идти!? Что скажу? Бегу, плачу, ног под собой не чувую, а сама молюсь, как умею. Она плывет себе, мычит, озирается. Ох! Не качнуло бы! Не упала бы в воду! Коровы плавать не умеют. Поворот русла... Льдина возьми да причаль к берегу.

– Сошла! Ура! Зоренька, кормилица ты наша! – Подбежала к ней, целую, глажу. Сама рада-радехонь-

ка!

Тяжелые были годы. А тут еще сон... Стоит отец в глубокой ямке, зовет и протягивает треугольник со словами:

– Держи, дочка, передай маме.

А наутро почтальонка увидела меня и подает письмо. А я рада! Прыгаю, радуюсь! Домой прибежала, Тамара взяла, прочитала....

– Чему ты так рада?! Это же похоронка!

Слезы... Долго не могли прийти в себя. Все надеялись, что горе обойдет стороной. А отец с фронта так и не вернулся!

Тамара закончила 9 классов, Нина – 7 и пошла работать в электроцех электромотчицей. Так мастер не хотел брать, отсылал, говорил:

– Не нужен мне тут детский сад! – сильно он ругался, но пришлось взять, настоял директор. Некому было работать, мало кто вернулся с войны.

С тех самых пор времени много утекло. Раскидала судьба сестер по разным странам. И только когда сами стали старенькими, у самих появились и внуки и правнуки, узнали, где находится братская могила отца... И вновь слезы в глазах, боль утраты... Военные годы... Голод. Перед глазами мамочка с вагонеткой на одном колесике, Любушка, привязанная за ножку, а рядом, на полу, чтобы не пролила, стакан молока и кусочек хлебушка... Школа, где не всем ребятам пришлось учиться – они работали, вместо тетрадок кусочек газетки, на которой писали между строк... Завывание голодных волков... Тяжело было, но тяжелее вспомнить то страшное время, детство военных лет... Часто, когда собирались вместе с сестричками, бабушки вспоминали, плакали...

Теперь мои сыновья вновь и вновь просят:

– Бабушка, расскажи про себя быть! Расскажи про свое детство....

Люди! Покуда сердца стучатся, – помните! Какою ценой завоевано счастье, – помните! Песню свою отправляя в полет, – помните!

О тех, кто уже никогда не споет, – помните! Детям своим расскажите о них, чтобы запомнили!

Детям детей расскажите о них, чтобы тоже запомнили!

(Р. Рождественский)

Доброго дня

*Если каждое утро вы будете просыпаться
с мыслью о том, что сегодня обязательно произойдет
что-то хорошее, то так и будет.
Омар Хайям*

этом году особенная зима. Почти нет снега, солнца и мороза. Каждый день превратился в серое дождливое ненастье... Слышно, то в очереди, то в разговоре прохожих:

«Какая апатия!», «Эх, а у меня депрессия».

Я каждый вечер закрываю глаза и мечтаю... проснуться утром и, глядя в окно, с восхищением воскликнуть «Снег!», увидеть на улице белое снежное покрывало... Хочется, как в детстве, верить в чудо!

Вечером за чашкой чая я рассказываю сыновьям о такой зиме, которая радовала нас в детстве... Снежная! Во дворе с дедушкой так снега накидаешься лопатой, что рук не чувствуешь. Бабушка нам скажет, бывало:

– Снег со двора за калитку носите, на улицу, к гаражу.

И стараемся... С дедушкой горку из того снега строим! Та- кую... Ни у кого похожей не было! И повыше, и пошире, такую длинную, чтобы, пока катишься, ветер в ушах свистел... Дет- вора со всей округи говорила:

– Повезло тебе! Такую горку дедушка смастерил! – И я с гордостью за нашу работу предлагала скатиться на моих санях с еще не залитой водой горки.

А еще мы мерили сугробы – у какого дома глубже. Где уже кидали снег, не считалось, надо только там, где замело... То у одного дома померяем, то у другого... Я решила проверить, сколько снега у дома в канаве... Прыгнула двумя ногами, где самая ямка должна быть, провалилась так, что ногу уже выше

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.